

Орлов Александр Сергеевич

**Об особенностях формы русских
воинских повестей кончая XVII в**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Сергеевич О.**
Об особенностях формы русских воинских повестей кончая XVII в / Орлов Александр
Сергеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 54 с.

ISBN 978-5-521-26459-9

ISBN 978-5-521-26459-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ромъ видоизмѣненіи, можно прослѣдить за весь допетровскій періодъ русской литературы. Что касается до происхожденія ихъ, то возможно предположеніе, что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ свой источникъ въ иноземной литературѣ и создались частію путемъ прямого перевода («стрѣлы омрачиша свѣтъ» и др. Барсовъ I, 3, 243) ¹⁾.

Уже въ XII в. ясно развиты два вида воинскихъ повѣстей, книжный, слѣдующій литературнымъ традиціямъ письменности, и народно-поэтический, пользовавшійся образами устной поэзіи, напр. Сказаніе о походѣ Игоря на Половцевъ въ лѣтописяхъ и въ Словѣ о полку Игоревѣ. Формулы этихъ двухъ типовъ отличаются другъ отъ друга, причемъ вѣднность народно-поэтического вида имѣла меньшее вліяніе на произведенія письменности. Разница формулъ упомянутыхъ видовъ сказывается, напримѣръ, при сравненіи лѣтописи и перевода I. Флавія со Словомъ о полку Игоревѣ. При необычайной близости выраженій лѣтописи и Іосифа Флавія, Слово о полку Игоревѣ совпадаетъ съ ними въ ограниченномъ числѣ случаевъ. Важность раздѣленія формулъ книжныхъ и народно-поэтическихъ сказывается въ тѣхъ ошибкахъ, которыя допускаются изслѣдователями при опредѣленіи вліянія устной поэзіи на письменность. Такъ, напримѣръ И. П. Хрущовъ («О др.-рус. истор. повѣстяхъ и сказаніяхъ», стр. 92) говоритъ: «въ слѣдующихъ словахъ лѣтописателя о Лиственской битвѣ слышится пѣсня: «И бывши ноци, бысть тма, молонья и громъ, дождь... и бысть сѣча сильна, яко просвѣтѣаше молонья, блещашеться оружіе, и бѣ гроза велика и сѣча силна и страшна». Эта картина — часть *книжнаго* боевого шаблона, она встрѣчается и въ переводѣ Іосифа Флавія и въ битвѣ Ярославъ съ Святополкомъ, и поэтому нѣтъ никакого основанія видѣть здѣсь вліяніе пѣсни. Что касается меньшаго вліянія народно-поэтического вида, то это можетъ быть объяснено 1) художественной оригинальностью, которая меньше всего поддается подражанію, 2) тѣмъ, что образы народной устной поэзіи, которые привлекалъ памятникъ, становятся уже нѣсколько чуждыми и непонятными для книжниковъ болѣе поздней эпохи. Примѣромъ послѣдняго можетъ служить Слово о полку Игоревѣ, авторъ котораго несомнѣнно пользовался образами

но и то, что существовалъ уже тогда выработанный литературный языкъ, состоявшій изъ богатаго запаса техническихъ терминовъ и установившихся пріемовъ, выраженій и оборотовъ» ib., 255.

¹⁾ «Многія выраженія, встрѣчающіяся въ Лѣтописи и повторяемые въ переводѣ Флавія, почти въ самой буквѣ отвѣчаютъ греческимъ и потому очевидно объяснены своимъ происхожденіемъ Греческой словесности» I, 3, 256.

устной поэзіи. Спустя три вѣка эти образы были уже мало доступны пониманію подражателей Слова (Мамаево побоище); они, поэтому, даже не рѣшались повторить лучшихъ его картинъ, или, находясь въ рабскомъ подчиненіи у нихъ, искажали ихъ и употребляли не у мѣста (ср. Барсовъ I, 7, 443). Прошло еще три вѣка—и авторъ поэтической редакціи Повѣсти объ Азовскомъ осадномъ сидѣніи почти совершенно отрѣшился отъ поэтическихъ образовъ извѣстной ему Задоныщины, воспользовавшись выраженіями современной ему народной поэзіи. Вообще я думаю, что устная поэзія значительно измѣнила свою оболочку за время отъ созданія Слова о полку до Задоныщинъ и отъ созданія Задоныщинъ до Азовскихъ сказаній. Вотъ въ этомъ то историческомъ видоизмѣненіи устнаго творчества и слѣдуетъ видѣть причину непониманія его старыхъ образовъ памятниками позднѣйшихъ эпохъ, слѣдствіемъ чего является слабость вліянія народно-поэтическихъ памятниковъ письменности. Въ противоположность этому виду повѣстей, литературная схема повѣстей книжныхъ была вполне доступна пониманію авторовъ всѣхъ вѣковъ—до Петровскаго періода, и отъ XI до XVII в. повторялась многое число разъ, съ сохраненіемъ самыхъ мелкихъ своихъ чертъ (напр. почти вездѣ встрѣчаются выраженія: «иныхъ избиша, иныхъ живыхъ руками поимаша», «давъ плещи побѣгоша»). Впрочемъ и здѣсь нѣкоторыя образныя выраженія стараго времени не всегда оставались понятными. Такъ, напримѣръ, любимое выраженіе Ипатьевской лѣтописи—полки выступали «аки борове» — для Воскресенской лѣтописи было чуждо и она передала это картинное сравненіе такъ: «выступиша, аки идоли» (см. ниже). Или, напримѣръ, древнее выраженіе «утерь пота», популярное въ лѣтописяхъ (нпр. Лавр. 122, Ипат. 218, 436) и вообще нерѣдко встрѣчающееся въ повѣстяхъ вплоть до XVII в. (Мамаево поб. П. С. Р. Л. VI, 96, Казанское взятіе 1552 г. ib. 313, Пов. кн. Хворостинина, Рус. Ист. Биб., т. XIII, 553), было не понято авторомъ повѣсти о Казанскомъ взятіи, который выразился «утерь поту *лица своего*». Здѣсь, такимъ образомъ, синонимическое выраженіе труда («Римляне же толико потъ примше» — *Romāi de tota hta χαμόντες*, I. Флавій, Барсовъ I, 3, 229; ср. «одва могоша и взяти съ великимъ потомъ» Ипат. 1280, изд. 1871 г., 582) было понято въ прямомъ смыслѣ, какъ простое физическое дѣйствіе.

Въ исторіи развитія воинскихъ повѣстей большую роль играло татарское нашествіе; оно было причиною усиленія религіозной стихіи, зачатки образовъ которой были даны сказаніями, посвященными борьбѣ со старыми безбожными врагами Руси — Половцами. Такъ создались воинскія повѣсти съ элементомъ заступничества божественной силы,

съ видѣніями ангельскихъ полковъ, Богородицы и святыхъ, со знаменіями отъ иконъ и т. п. Въ нихъ вошли формулы агіографической литературы: татары описываются чертами мучителей, ярость и устремленіе ихъ возражается звѣриными образами Діоклеіановъ и т. п. Русскіе идутъ «пострадать» и «принять вѣнци нетлѣнные». Усиливаются описанія опустошеній, сопровождающихся святотатствомъ и опозореніемъ женщинъ, что мѣтко охарактеризовано въ сказаніи Авраамія Палицына: «идѣже пролита бѣ мучиническая кровь, на томъ же мѣстѣ бѣше и бѣснованія блудна одръ» Рус. Ист. Биб., т. XIII, 515. Схема этихъ опустошеній встрѣчается со времени татарскаго нашествія въ массѣ словъ и поученій и, выражаясь въ болѣе или менѣе стереотипныхъ образахъ, имѣетъ своимъ основаніемъ «пророческое слово», приведенное лѣтописью нѣсколько разъ: «и бѣ пророческое слово сбываемо зряще: Боже! пріидоша азыци въ достояніе твое, и оскверниша церковь святую твою; и пакы: положиша трупія рабъ твоихъ брашно птицамъ небеснымъ, и плоти преподобныхъ твоихъ зверемъ земнымъ» П. С. Р. Л. VП, 157, убіеніе Батыя 1247 г.; Твер., XV, 292, 1203, взятіе Кіева; Л. Авраамки, XVI, 126, 1382 г., Тахтамышъ. Въ повѣстяхъ этой эпохи усиливается элементъ молитвословій (Барсовъ I, 5, 318), опредѣляемыхъ въ большинствѣ случаевъ выраженіями Псалтири ¹⁾. Стиль подобныхъ повѣстей имѣетъ два вида. Въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ повѣ-

¹⁾ Наиболѣе популярною цитатою въ молитвахъ и рѣчахъ является видоизмѣненный 10-й стихъ 113 псалма «да не когда рекутъ азыцы: гдѣ есть Богъ ихъ», см. Повѣсть о погиб. Батыя (Воскр. 1147, 158), Повѣд. о Мам. поб. (Снегирева, 3 т. Сб. Истор., стр. 48), Лѣтоп. пов. о томъ же (П. С. Р. Л. VI, 92), Пов. о взятіи Царьграда Искандера (Леонидъ 33), Пов. о Казан. вз. 1552 г. (П. С. Р. Л. VП, 311), Пов. о Влад. ик. Б. М. (Библ. мат. А. Попова № 19, 20, Степ. кн. I, 546), Пов. о нѣк. брани (Рус. Истор. Библ. т. XIII, 258), Пов. о взят. Азова 1637 г. истор. ред. Цитата эта употребляется издавна, она есть уже въ лѣтописной повѣсти о нападеніи Боняка. Вообще въ рѣчахъ повѣстей, посвященныхъ борьбѣ съ погаными, старые формулы лѣтописей—за честь, отчину, правду и т. д.—уступили мѣсто выраженіямъ религіознаго характера. Въ рѣчахъ и молитвословіяхъ повѣстей указанного типа выражается готовность биться, пролить кровь, пострадать, сложить головы, умереть—за вѣру, христіанъ, Божію церковь (домъ Богородицы — ж. Доманта Пск., Тихв. Унд. № 406) и за царя (Соф. II, 1470, Повѣсть Искандера, Тихв. Унд. № 406, Пов. о вз. Азова истор. редакціи). Старые термины сохранились въ Пов. о раз. Рязани Батыемъ (за отчину, ср. Дом. Псков. Воскр. 1265, П. С. Р. Л. VП, 166, Каз. вз. 1552 г., П. С. Р. Л. VП, 311—за отечество) и въ Задовыщинахъ (за рус. землю, за обиду; за обиду есть и въ Пов. объ Азов. взятіи ист. редакціи).

ствование сосредоточивается вокругъ исторіи той или другой святыни, онъ отличается отъ стиля повѣстей собственно воинскихъ, въ которыхъ божественное вмѣшательство является лишь однимъ изъ эпизодовъ разсказа. Отличіе перваго вида повѣстей заключается въ меньшемъ количествѣ подробностей воинской практики. Это точно отмѣчено въ сказаніи о Тихвинской иконѣ Божіей Матери, при описаніи приступа Шведовъ: «многія же и инныя брани ко обители Богоматере от зловѣрныхъ зѣлне быша, о нихъ же нынѣ подробнѣ исповѣди нынѣ потреба, но милость Богоматере да глаголется, а не ратныхъ обычай» Унд. № 406, л. 148 об.

Литературная оболочка воинскихъ сюжетовъ создавалась на основаніи:

1. Отдѣльных терминовъ и формулъ.
2. Стереотипной схемы послѣдовательнаго дѣйствія (напр. неудача, затѣмъ плачь, молитва и т. п.).
3. Извѣстной идеи, патріотической или религіозной (напр. наведеніе непріятелей по дѣйству дьявола, грѣхъ ради нашихъ и т. п.).

Есть возможность предполагать, что формулы литературныхъ произведеній сознавались въ старину, какъ нѣчто стереотипное. Существованіе этого сознанія можетъ быть доказано прежде всего тѣмъ, что въ одномъ и томъ же произведеніи аналогичные эпизоды излагались одними и тѣми же словами. Въ этомъ отношеніи характерные примѣры даетъ Повѣсть кн. И. М. Катырева-Ростовскаго (Русск. Истор. Библ., т. XIII), формулы которой повторяются очень послѣдовательно: «и брань плить жесточайшая на обѣ страны, падаютъ трупіе мертвыхъ сѣмо и овамо» 572, 586, 601; «поля обрѣтають и усты меча гонять» 573, 589, 591, «силу восхищаютъ и усты меча гонять» 601, 609, 614, ср. 572; «и тако плить брань жесточайшая чрезъ день; уже солнцу уклоншуся на западъ и покрыся земля ношною тмою и тако преста брань» 572 — 573; почти въ тѣхъ же выраженіяхъ это описаніе повторено на 590 и 598 стр.; «начаша шатры ставити и почиша сномъ, токмо стражіе не спятъ» 591, 596, ср. 598, 573 и 610. Авторы сами отмѣчали сознаніе формулъ. Такъ, въ концѣ полуразложившейся исторической пѣсни о кончинѣ кн. Михаила Шуйскаго сказано: «преставися князь Михайло Васильевичъ, и тогда убо стекаются ко двору его... по писаному юноши и дѣвы, и старцы со юношами, и матери со младенцы и всякъ возрастъ челоувѣчь» («Избор. слав. и рус. соч. и стат.», А. Поповъ, 1869, 384). Эта книжная формула народной толпы приведена авторомъ «по писаному», т. е. какъ обыкновенно она пишется. Дѣйствительно въ житіяхъ свя-

тыхъ она употребляется очень часто, и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ перечисляетъ возрасты собравшихся. Сознаніе литературнаго шаблона боя выразилось очень рано. Въ «Словѣ св. Іоанна Златоустаго въ недѣлю всѣхъ святыхъ», встрѣчающемся уже въ Успенскомъ Сборникѣ XII в., проповѣдникъ проводитъ параллель между битвою и подвигомъ мученичества: «хощеши ли навыкнути, яко же рати то страшнѣе есть мученическо мѣню. Что бо есть страшно на брани: пѣльци на обѣ сторонѣ стануть *оковани, блистающесея оружіемъ и землю свѣтяще облаци стрѣлами пуцаются, вьсюду закрывающе въздухъ* множествомъ, *рыкы кровавы текутъ* отъ вьсюду, и много паденіе обоиде, акы *на жатвъ класомъ*. Сие убо воиномъ другъ на друга идущемъ. Сѣ убо отъ тѣхъ на сию тя приведу брань—и сѣде двѣ въпѣльчени, ово мученичско, ово мучительско» (Библиогр. матеріалы, собр. А. Н. Поповымъ, № 20, изд. В. Щепкинъ, стр. 118). Здѣсь мы видимъ *exemplum fictum*, вымышленную картину боя, составленную изъ стереотипныхъ книжныхъ формулъ. Это—стереотипная литературная оболочка, въ отвлеченіи отъ сюжета.

Прежде чѣмъ разсматривать литературный шаблонъ воинскихъ повѣстей, слѣдуетъ оговориться объ отношеніи къ нему Слова о полку Игоревѣ. Авторъ замѣтки о цитатѣ изъ Слова св. І. Златоустаго правъ, говоря, что она «напоминаетъ нѣкоторыя поэтическія уподобленія Слова о п. И.». Дѣйствительно, она напоминаетъ ихъ, также какъ и лѣтопись, но и разница между этою цитатою и Словомъ о п. И. та же, что между нимъ и обычнымъ лѣтописнымъ воинскимъ шаблономъ. Слово о п. И. памятникъ исключительный. Его авторъ несомнѣнно зналъ ходячую книжную манеру, иначе трудно объяснить такіе выраженія, какъ: «поостри сердца своего мужествомъ» ср. І. Флавія—«подьострите души ваша на мьсти», «истагну умъ крѣпостію своею» ср. ib.—«и пріямъ умъ въ свою крѣпость», «исполнившись ратнаго духа» ср. ib.—«исполнившеся ратнаго духа», (Барсовъ I, 3, 261), ср. Тохтамышъ «духа ратнаго наполнился» П. С. Р. Л. XVI, 1382, 122. Но въ то же время, выражаясь языкомъ народной поэзіи, авторъ Слова о п. И. такъ художественно переработалъ книжныя формулы, что онѣ являются совершенно оригинальными. Такимъ образомъ, приходится говорить лишь о близости мотивовъ, а не выраженій ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно говорить о тождествѣ такихъ формулъ: «итти дождю стрѣлами съ Дону великаго»=І. Флавія «и стрѣлы на нѣ лѣтаху акы дождь»? Въ первомъ случаѣ развито сравненіе войскъ съ тучами, проливающими дождь—стрѣлы, во второмъ, обычномъ для воинскихъ повѣстей, паденіе стрѣлъ просто сравнивается съ паденіемъ

дождя; или еще: «сватовъ напоиша, а сами полегоша за землю русскую—І. Ф. «аки на свадьбу течаху, а не на рать»; цитата изъ Слова о п. И. является частью поэтического представленія боя въ видѣ свадебнаго пира, гдѣ льется кровавое вино, выраженіе же перевода І. Флавія аналогично выраженію «Иного сказанія»: «всп смѣло и единодушно на супротивныя идуще на брань, яко на почесть, веселы и смѣлы» (118), и въ довольно сухомъ сравненіи передаетъ рвеніе къ бою. Стараясь точно выдѣлнить loci communes *книжныхъ* воинскихъ повѣстей и не имѣя цѣлью сопоставленіе схожихъ мотивовъ, я рѣшилъ устранить Слово о п. И. отъ сравненія тѣмъ болѣе, что оно уже выполнено Е. В. Барсовымъ, который выбралъ изъ этого памятника все, что только можетъ найти себѣ соотвѣтствіе въ старой русской письменности. Что касается повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ, то устроить ихъ отъ сравненія не представляется возможнымъ, такъ какъ наряду съ заимствованіемъ изъ Слова о п. И. мы находимъ въ нихъ слѣды пользованія обычными формулами воинскихъ повѣстей.

Переходя къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ формулъ книжныхъ воинскихъ повѣстей, прежде всего приведу нѣсколько примѣровъ обычной *схемы боя*—въ объемѣ, указанномъ вышеприведеннымъ Словомъ св. Іоанна Златоустаго.

І. Изъ Пареміи въ честь Бориса и Глѣба, по сп. Е. В. Барсова XIV в. (І, 3, 254):

«Тогда восходящу солнцю и съступишася обои и бысть сѣча зла, яже не бывала въ Русѣ. За руки ся емлюще сѣчаху, и по удолиемъ кровь течаше, и съступишася обои трижды, и омѣрькоша биющеся, и бысть громъ великъ тутенъ и дождь и молнии блистании, и блестяхуся оружия въ рукахъ ихъ, и мнози вѣрнии видяху ангелы помогающа Ярославу, а Святополкъ давъ плещи побѣже, его же поправдѣ, яко неправедна, суду припедѣшю» ¹⁾.

¹⁾ То же въ Паремейникѣ Типографской бібліотеки № 55, 143 л., исковскаго нарѣчія, XIV—XV в., перг., л. 143 об. Въ Твер. лѣтописи текстъ тотъ же (съ перестановкою), обиліе крови выражено такъ: «и по удолиемъ кровь ручіемъ течаше, яко въ время дождевное» (Ц. С. Р. Л. XV, 1019, 138). Въ Инат. сп. (1019 г., 101, 102, изд. 1871 г.) боевыхъ формулъ меньше, нѣтъ соотвѣтствія тексту отъ сл. «и омѣрькоша» до «въ рукахъ ихъ». Въ Сказаніи Іакова мниха еще кратче: «и съступишася въсходящу солнцю, и бысть сѣча зла отпнудъ, и съступишася трижды и бишася чресъ весь день, и уже къ вечеру одолѣ Ярославъ. А сѣя оканьный Святополкъ побѣже». Срезневскій 1860, столб. 64. То, что одно и то же событіе выражалось съ большимъ или меньшимъ количествомъ стереотипныхъ формулъ,

Это описаніе является классическимъ среди другихъ подобныхъ. Въ немъ собраны почти всѣ формулы и образы, характерные для шаблона боя. Описаніе закончено краткимъ выраженіемъ помощи небесной силы, что встрѣчается въ массѣ памятниковъ этого типа.

II. Изъ житія великаго князя Доманта Псковскаго, по сп. Е. В. Барсова, I, 7, 433:

«Бысть же сѣча зла и преужасна; падаху убо тѣлеса противныхъ, аки древія, и кровь сильныхъ, аки вода льяшеся по удолямъ; стукъ же и шумъ страшенъ бльше, аки громъ, отъ вопля и кричанія обоихъ полковъ вой, и отъ трескоты оружія ихъ, . . . и свѣтлая си оружія кровью ихъ червлены сотвориша, останокъ же поганныхъ, страхомъ объяти бывше, бѣжати устремишася».

Новыя формулы этого боя: тѣлеса—древія, шумъ битвы—громъ, окровавленное оружіе.

III. Куликовская битва по Степенной книгѣ, по сп. Е. В. Барсова, I, 7, 453:

«И сосутпишася полки на усть рѣки Непрядвы на полѣ Куликовѣ, яко сильныя тучи; и бысть сѣча зла; блещашеся оружіе, яко молнія въ день дожда; и такова бысть битва, яко и по удолямъ кровь, яко рѣка течаше, и Донъ рѣка съ кровью смѣсився потече; главы же поганныхъ, яко многое каменье валяхуся, трупія же мертвыхъ, яко древа дубравная посѣчени, лежаху. И бяше чудно видѣніе и дивна побѣда, яко прежде блещаяся оружію, тогда же вся окровавлена кровію иноплемennыхъ».

По сравненіи этого мѣста съ соотвѣтствующимъ въ Словѣ о житіи и о прест. в. к. Дмитрія Ивановича (Рус. Истор. Сб., т. 3, Снегирева, 87) и въ Степен. книгѣ ч. I, М. 1775, 495, оказывается, что въ немъ не достаетъ выраженія «сѣчахуся, за руки емлющися», и прибавлено «и бяше чудно видѣніе» и т. д. Кромѣ того въ Сл. о ж. и прест. въ концѣ боя сказано какъ бы словами Пареміи въ честь свв. Бориса и Глѣба: «мнози же достовѣрнии видяху ангелы Божия помогающа крестьяномъ». Въ печатной Степенной книгѣ помощь небесной силы выражена двояко: 1) послѣ «за руки емлюще, сѣчахуся», достовѣрные видѣли арх. Михаила съ прочими ангелами, свв. мучениковъ Бориса и Глѣба, Георгія и Дмитрія, 2) въ концѣ описанія—поганные видѣли

указываетъ на созвѣстное отношеніе авторовъ къ пользованію литературною схемою. Мнихъ Іаковъ выбралъ самый краткій и сухой способъ описанія боя вѣроятно потому, что его занимали страданія святыхъ, «а не ратныхъ обычай». Воззрѣніе, подобное автору сказанія о Тихвинской иконѣ Богородицы, см. выше.

«трисолнечныя полки блистающая, отъ нихъ же исхожаху на нихъ пламенныя стрѣлы». Выраженію списка Е. В. Барсова «трупія же мертвыхъ, яко древа дубравная посѣчени лежаху» соответствуетъ въ приведенныхъ нами двухъ текстахъ: «трупія мертвыхъ (поганныхъ) аки дубрава посѣчена». Я привелъ эти сличенія для того, чтобы показать, какъ редакторы одной и той же повѣсти пользовались формулами, представленными литературнымъ шаблономъ боя, то сокращая то развивая стереотипную картину въ болѣе сложныхъ образахъ.

Нового въ приведенномъ описаніи немного: полки—тучи, вѣроятно, подъ вліяніемъ Слова о п. Игоревѣ. Подъ вліяніемъ повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ то же сравненіе встрѣчаемъ въ Иномъ Сказаніи, 30: «яко двѣ тучи, наводнившеся, темны бываютъ ко пролитію дождя на землю, тако же и тѣ суть два войска сходящеся между собою на пролитіе крови человѣческія». Ср. Повѣсть о Тихв. иконѣ Б. М. Унд. № 406, 137: «сопостати *тучевиднымъ* устроеніемъ безчисленнаго воинства, оружнымъ одѣланіемъ утвержденного, страшно ко обители пришедше». Вторая своеобразная формула: главы—каменье.

IV. Изъ повѣсти Искандера о взятіи Царяграда Турками, по тексту, напеч. арх. Леонидомъ въ Пам. Др. Писъм. 1886 г., стр. 9 и 10:

«И бысть сѣча веліа и преужасна: отъ пушечнаго бо и пищальнаго стуку и отъ зуку звоннаго и отъ гласа вопли и кричанія обоихъ людей и отъ трескоты оружія, яко молнія бо блистаху отъ обоихъ оружія, также и отъ плача и рыданія градскихъ людей и женъ и дѣтей, мняшесь небу и земли совокупитись и обонмъ колебаться, и не бѣ слышати другъ друга, что глаголетъ, совокупиша бо ся вопли и крычанія и плачь и рыданія людей и стукъ зѣльный и звонъ клакольный въ единъ звукъ, и бысть яко громъ велій. И паки отъ множества огней и стрѣлянія пушекъ и пищалей обоихъ странъ дымное куреніе стусився, покрыло баше градъ и войско все, яко не видѣти другъ друга, съ кѣмъ ся бьетъ, и отъ зелейнаго духу многимъ умрети. И тако сѣцахуся и маяся на всѣхъ стѣнахъ, дондеже ночная тьма ихъ раздѣли».

Это нѣсколько многословное описаніе интересно по примѣненію старыхъ формулъ къ своеобразнымъ чертамъ сюжета (звонный звукъ, звонъ клакольный и т. д.). Новыя формулы: отъ боевого шума «не бѣ слышати другъ друга», «не видѣти другъ друга» въ дымномъ куреніи.

V. Битва войска Михайла Шуйскаго съ Литовцами въ 1610 г. (Изборникъ сл. и рус. соч. и ст., А. Попова, М. 1869, 382):

«И ступльшеся обоихъ полци вмѣстѣ и бысть сѣча зла велика, отъ оружнаго же стуку и копейнаго ломанія и отъ гласовъ вопля и

кричанія ото обоихъ людей войска не бѣ никакo же слышати другъ друга, что глаголетъ, а отъ дымнаго куренія едва бѣ видѣти, кто снемся бѣть, что звѣри рыкающе злѣ сѣчахуся».

Изъ этого примѣра можно видѣть, какъ старыя формулы, почти не измѣнившись, дожили до XVII вѣка.

Приведенныя описанія боя дали далеко не всѣ *loci communes* воинскихъ повѣстей. Далѣе я постараюсь представить болѣе полный подборъ ихъ, разбирая каждое выраженіе въ отдѣльности.

«Соступишася... и бысть сѣча зла».

Это выраженіе, въ разныхъ варіаціяхъ, начинается картину боя въ массѣ повѣстей: «восходящю солнцю, и совокупшася обои, и бысть сѣча зла, аки же не была въ Руси» Ипат. 1019, 101, ср. Твер. 138, Паремія Б. и Гл. по сп. Барсова I, 3, 254, Сказаніе Іакова мн., стлб. 64; «и соступишася полки... и бысть сѣча зла» Кулик. битва по сп. Барсова I, 3, 453, Степ. кн. 1775 г., I, 495, С. о ж. и о прест. в. к. Д. И., Снегирева 87; «соступившимся двѣма войскома, и бысть сѣча велія» Ин. Ск. 31; «бысть же сѣча зла и преужасна» Ж. Доманта по сп. Барсова, I, 7, 433; «и бысть сѣча велія и преужасна» Повѣсть Искандера, а. Леонидъ, 9; «и бысть сѣча зла велика» бой М. Шуйскаго, Изб. 382; «і бысть от того часу и до вечера сѣча великая» конецъ описанія казачьяго приступа къ Азову 1637 г., Больш. № 305.

Разсматриваемое выраженіе часто заключаетъ въ себѣ все описаніе боя, представляя такимъ образомъ зародышъ его схемы. Въ этихъ случаяхъ прибавляется обыкновенно «и одолѣ», «побѣди», «побѣже», часто съ указаніемъ на помощь Божію; иногда опредѣляется время боя, или указывается на особую силу его:

«И сътупишася бити, и бывши брани межи ими, одолѣ Святославъ» Ипат. 965 г., 42; «и сразившимся полкома и побѣди Ярославъ Олга» ib. 977, 49; «и поидоша противу... и соступившемся обоимъ, и бысть сѣча зла» П. С. Р. Л. VII, Воскр. 1078, 2; «и соступишася на Колачѣцѣ, и бысть брань крѣпка, и нача одоляти Мстиславъ» ib. 1096, 12; «соступившемся полкомъ, бысть сѣча крѣпка, и одолѣ Вячеславъ» ib. 1151, 55; «и соступишася обоихъ полци, и бысть сѣча зла и велика, и побѣгоша» ib. 1238 (еще примѣры: Ипат.: 941 г., 27; 1016 г., 100 и 1034, 106 почти тождественны; 1219 г., 493; 1254 г., 546; Воскр.: 1093, 7; 1111, 22; 1186, 98; 1135, 30; 1170, 86; 1225, 133; 1240 г., 145; 1241, 149; 1310, 185; Тверс. П. С. Р. Л. XV, 1149, 214).

«И соступишася на мѣстѣ... и бѣ сѣча зла, и одва одолѣвъ къ вечеру Ярославъ, и побѣгоша Печенѣзѣ...» Ипат. 1034, 106; «яко солнцю восходящу ступишася, и бысть сѣча зла межи ими, и первое побѣгоша Поршане» ib. 1149, 267; «и ступишася полци, и бысть сѣча зла, и бишася отъ полудне и до вечера...» ib. 1153, 321; «того же дни бишася весь день олнѣ и до нощи» ib. 1213, 491; «и съступишася восходящу же солнцю и бишася чрезъ весь день, и уже к вечеру и одолѣ князь Александръ» Авраам. П. С. Р. Л. XVI, 1327, 65, Никон., П. С. Р. Л. X, 194.

«И ступишася, и бысть бой великъ, и поможе Богъ Юрію, и побѣди Юрій, а князь великій Изяславъ бѣжа» Твер., XV, 1149, 214; «и бысть имъ бой, и бияся съ ними Мъстиславъ крѣпко, и пособи Богъ Мъстиславу» ib. 1221, 233; «и срѣтостася обои... и бысть имъ брань люта и сѣча зла, и поможе Богъ князю Дмитрію и воемъ его, и одолѣша Рязанцомъ» Авр. 1371, 95.

«И ту бысть межи ими брань крѣпка зѣло, яко страшно бо и зрѣти. И нача одолѣвати Изяславъ» Твер. 1160, 231; «и бысть сѣча зла, аки же не бывала николиже въ Ростовской землѣ, и поможе Богъ Всеволоду» Твер. 1177, 261; «и бысть сѣча зла... и бысть побѣда на князи Рускіа, яко же не бывала отъ начала Рускіе земли» ib. 1224, 342; «и бысть сѣча зла, яко николи же такова быша у Пскова» Воскр. 1299, 182.

Эти кратчайшія схемы боя, усложнялись, пополняясь отдѣльными формулами, полный подборъ которыхъ мы видѣли выше, напр.:

«Бысть сѣча зла грѣхъ ради нашихъ, всюду мертвіи лежаху, и кровь яко вода ліашася, и бысть побѣда на князи Рускіа, такова же не бывала отъ начала Рускіа земли» Никон. 1225, 91, ср. ib. 1237, 110.

«И зступишася на бой, и помрачиша стрѣлы Татарскіа воздухъ, и бысть аки дождь, таже копыи и саблями сняшася, и бысть сѣча зла» ib. 1310, 177.

За руки емлюще ся сѣчаху.

«И за руки емлющеся сѣчаху» І. Флавія, Барсовъ І, 3, 235 и 246; «и за руки емлюще сѣчахуся» Лавр., Ипат. 1019, 101, Парем. въ честь Б. и Гл., Барсовъ І, 3, 234; «ратніи же за руки емлюще сѣчахуся» Кулик. битва, Степ. кн. І, 495, Сл. о ж. и прест. в. к. Д. И., Снегирева, 87; «и сѣчахуся, за руки емлющеся» Иное Сказ. 31; «другъ друга за рудѣ хватаючися и сѣчахуся» Азов. вз. 1637 г., Рум. № 378.